

УДК 93/94; 371.233; 371.235; 371.239
DOI 10.26456/vthistory/2026.1.058

Повседневность женских епархиальных училищ как квазисемейная социализация¹

Н.А. Мицюк

ФГБУН Ордена Дружбы народов «Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая» Российской академии наук,
г. Москва, Россия

Статья посвящена анализу Смоленского епархиального женского училища как социального института, конструировавшего модель квазисемейной социализации. Работа выполнена в рамках подходов микроистории и истории повседневности. Эмпирическую базу составили архивные документы и материалы дореволюционной периодики. Все аспекты жизни СЕЖУ были подчинены логике воспроизводства модели патриархальной семьи, которая служила ключевым инструментом формирования корпоративной и гендерной идентичности. Показано, что финансирование, система покровительства, роли начальницы («матери»), наставниц («старших сестёр») и священников («отцов»), учебная программа создавали замкнутую среду квазисемейной социализации. Несмотря на кризис модели в начале XX в., принцип «училища-семьи» оставался фундаментальной чертой СЕЖУ.

Ключевые слова: женская повседневность, история женского образования, епархиальные женские училища, повседневность епархиалок, Смоленское епархиальное женское училище, история благотворительности, патриархальная семья.

Епархиальные женские учебные заведения являлись важной составляющей в системе женского среднего образования XIX в. в российских регионах. Сословные учебные заведения закрытого и полужакрытого типа не только реализовывали образовательные задачи, но и выступали мощными институтами социализации и формирования сословной и гендерной идентичности. Епархиальные женские училища возникли раньше женских училищ, впоследствии называемых гимназиями и прогимназиями, Министерства народного просвещения. Идея основания женских духовных заведений в России зародилась в первой половине XIX в. В 1837 г. на имя преосвященного Священного Синода от императора последовал указ, в котором отмечалось: «Обратить внимание Епархиальных начальств и на то, не ока-

¹ Текст подготовлен в рамках проекта РНФ «Материнство и раннее детство в условиях демографических переходов и вызовов второй половины XIX – первой половины XX века» (№ 25-28-02151)

жется ли возможность, заводить обучение детей женского пола, при женских монастырях»². Начиная с 1840-х гг. в адрес императора стали поступать записки от служителей церкви, в которых говорилось о необходимости «устроить такие учреждения, в которых девицы духовного звания получали бы прочное воспитание в началах веры, добра и нравственности, высокой мысли о своем признании»³. Первым заведением подобного типа явилось воспитательное училище для дочерей священнослужителей, основанное с подачи великой княжны Ольги Николаевны в 1843 г. в Царском селе. Это училище стало образцом для подобных учебных заведений в других губерниях России.

Историография традиционно рассматривала эти училища с точки зрения их роли в развитии системы образования, становлении профессиональных педагогических кадров или в контексте государственно-церковной политики⁴. Внутренняя организация, повседневная жизнь и механизмы воспитания реже попадали в сферу научного анализа⁵. Между тем именно в повседневных практиках, структуре быта и неформальных отношениях реализовывалась ключевая функция таких заведений – подготовка девушки к выполнению строго определённой социальной роли: жены священнослужителя, матери и хозяйки приходского дома. В этой связи возникает основная проблема исследования: каким образом епархиальное женское училище, будучи формальным учебным заведением, конструировало особую социальную реальность, моделирующую квазисемейные отношения и патриархальный уклад? Какие механизмы – от исторических оснований создания и системы финансирования до структуры управления, учебного процесса, распорядка дня и дисциплинарных практик – использовались для создания замкнутой среды «училища-семьи»? И как эта модель, призванная воспроизводить традиционные ценности и сословную солидарность, эволюционировала под влиянием общественных изменений начала XX в.?

² Смоленские епархиальные ведомости (далее – СЕВ). 1874. № 12. С. 423.

³ Андреева Е.А. Епархиальные женские училища в России // Педагогика. 1999. № 3. С. 86.

⁴ Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф. Среднее женское образование в России. М., 2009; Попова О.Д. Женские епархиальные училища и провинциальный город: влияние и взаимодействие // Провинциальное духовенство дореволюционной России: сб. науч. тр. международной заочной конференции / науч. ред. Т.Г. Леонтьева. Тверь, 2008. С. 182–190; Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. М., 2009; Гончаров М.А., Плохова М.Г. Священный Синод и его роль в системе подготовки педагогических кадров в дореволюционной России // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2015. № 2. С. 80–88; Дорофеева А.А. К истории женских епархиальных женских училищ в России (историографический обзор) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 2. С. 14–23.

⁵ Попова О.Д. В стенах конвикта... (очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ). Рязань, 2006; Попова О.Д. Епархиалки и российское общество рубежа XIX–XX вв. Социальный статус, стремления и возможности. М., 2021; Михеева В.В. Образовательно-воспитательная деятельность в епархиальных женских училищах (вторая половина XIX – начало XX в.): синтез светского и церковного начал // Манускрипт. 2025. Т. 18. № 4. С. 1672–1678.

Ключевая задача публикации состоит в том, чтобы на примере конкретного учебного заведения – Смоленского епархиального женского училища – с использованием методов микроистории, повседневной истории изучить модель социализации епархиалок, которая во многом повторяла принципы организации традиционного семейного уклада. Основу эмпирической базы составили архивные материалы государственного архива Смоленской области (Фонд Епархиального женского училища, ф. 51), выпуски Смоленских епархиальных ведомостей (1870–1910-е гг.), а также отчёты Смоленского епархиального женского училища (СЕЖУ). Эти документы позволяют реконструировать как нормативные установления, так и реальные практики повседневной жизни, конфликты и изменения, происходившие в стенах училища.

В качестве исходной гипотезы выдвигается положение о том, что все аспекты жизни училища – от обоснования его необходимости до системы наставничества, учебного плана, жёстко регламентированного быта – были подчинены единой логике: воспроизведению модели расширенной патриархальной семьи. Эта модель служила основным инструментом трансляции религиозных, нравственных и социальных норм, формирования корпоративной идентичности «дочерей духовного звания» и их подготовки к будущей миссии в рамках сословия. Для проверки данной гипотезы и раскрытия поставленной проблемы в работе последовательно рассматриваются следующие аспекты: исторические и финансовые основания создания училища, организационная структура и педагогический коллектив, содержание и логика учебного процесса, повседневный быт, дисциплина и внутренние традиции, эволюция и кризис квазисемейной модели в начале XX в.

Исторические вехи Смоленского епархиального женского училища. Идея создания училища, официально открытого 2 февраля 1849 г. в Вязьме при Аркадьевском монастыре, изначально носила опекающий и покровительственный характер. Инициатором открытия женского училища выступил архипастырь Тимофей, обосновавший необходимость заведения судьбой «бедных сироток – девочек» из духовного сословия, которые, в отличие от мальчиков, «при неимении средств к своему образованию... с самого раннего детства знакомилась нуждой, и она оставалась их неразлучной спутницей навсегда»⁶.

На протяжении всего периода существования учебное заведение имело разные названия: первоначально – «училище для девиц духовного звания» или «женское духовное училище», с 1876 г. «Епархиальное женское училище». В училище могли поступать девочки из всех сословий, но преимущество отдавалось «сиротам многосемейных причетников и священнослужителей»⁷. Вплоть до конца XIX в. количество воспитанниц из духовного звания составляло 90 %. Это позволяет его считать сословным учебным заведением. Курс обучения в каждом классе составлял 2 года.

⁶ Сперанский И. Памяти Высокопреосвященного Тимофея // СЕВ. 1885. № 2. С. 68.

⁷ Смоленские епархиальные ведомости. 1885. № 2. С. 71.

Первоначально в учебное заведение было принято 20 воспитанниц, затем их количество неуклонно возрастало.

В основу первого устава заведения были положены «советы Преосвященного Тимофея вновь организованному училищному правлению», а также устав Царскосельского женского училища. Среди советов архипастыря – большая доля положений воспитательного характера. Целью училища провозглашалось: «Девичам духовного звания давать воспитание вполне соответствующее их двоякому назначению: быть достойными супругами и служителями алтаря Господня; быть попечительными матерями, которые возвращали детей своих в правила благочестия и добронравия... умели бы сообщить им первоначальные познания»⁸.

Епархиальное училище рассматривалось в контексте особого покровительства со стороны церкви и лично архипастыря, что усилилось с переводом учебного заведения в 1852 г. в Смоленск под непосредственный надзор архипастыря Тимофея и с размещением воспитанниц в специально устроенном здании при Воскресенском женском монастыре⁹. Начальницей училища стала настоятельница Вознесенского монастыря Олимпиада. В училище были приглашены на должность наставниц выпускницы Царскосельского училища Мария Лосевская, позже Анна Четыркина. Они должны были приблизить воспитательный процесс в Смоленском заведении к образцовому училищу в Царском селе. Педагогами были назначены образованнейшие священники Смоленска, а также учителя из мужской семинарии.

Важной вехой в истории женского духовного образования явилось принятие единого устава – 20 сентября 1868 г. Устав закреплял принадлежность училищ Св. Синоду. Училища преобразовывались из трехклассных в шестиклассные, была расширена программа учебных предметов. Училищная администрация дополнилась советами по учебным, нравственным и хозяйственным вопросам. Преобразование Смоленского училища состоялось спустя восемь лет после принятия устава – 29 февраля 1876 г.¹⁰ Оно стало именоваться Смоленским епархиальным женским училищем, включавшим в себя шесть классов. Воспитанницы, окончившие шестой класс, получали права и звание учительниц народных школ наравне с воспитанницами женских гимназий.

Значимым событием в истории СЕЖУ было завершение строительства трехэтажного каменного здания. В 1901 г. с началом учебного года воспитанницы из ветхих разбросанных по отдельности корпусов переехали в новое помещение. В местной периодической печати это здание называлось «украшением города, прекрасным обширным и светлым храмом»¹¹. Новое здание позволило училищному руководству открыть новые классы. Заметно была расширена программа учебных предметов, был разработан новый устав заведения.

⁸ СЕВ. 1874. № 13. С. 445–446.

⁹ Там же. 1885. № 2. С. 76.

¹⁰ Там же. 1876. № 7. С. 191–199.

¹¹ Отчет о состоянии СЕЖУ за 1901–1902 гг. // СЕВ. 1902. № 4. С. 183.

Система покровительства и опеки как залог существования заведения. Залогом успешного существования училища являлась сформированная модель покровительства со стороны влиятельных и обеспеченных лиц. Многочисленных покровителей можно сравнить с «крестными» в религиозной и патриархальной семье, чья роль была почетна и предполагала заботу о своих «крестниках». От покровителей во многом зависели благосостояние учебного заведения и судьба учениц. В свою очередь, воспитанницы проявляли благодарность и почтение к своим попечителям.

Складывалась иерархия покровителей от членов царской фамилии до представителей региональной общественности. В 1866 г. благодаря ходатайству Смоленской епархии училище было принято под покровительство великой княжны Марии Александровны¹², что институционализировало принцип иерархии, добавив уровень высшего покровительства, аналогичный покровительству знатного рода.

Покровительство выражалось в посещении заведения влиятельными лицами. Знаменательным событием в жизни училища явился приезд 4 ноября 1869 г. княжны Марии Александровны, возвращавшейся из поездки в Крым, а также великих князей Сергея Александровича и Павла Александровича. Великая княжна внимательно осмотрела все классные комнаты, кабинеты, комнаты учениц, столовую, интересовалась качеством пищи воспитанниц. Она вела беседы с детьми, интересуясь их успехами в занятиях. Мария Александровна «выразила пред всеми свое удовольствие по поводу найденного ею в училище»¹³. Регулярно посещал училище обер-прокурор Синода граф Дмитрий Андреевич Толстой, выражая заботу о нуждах заведения и его воспитанницах.

Важным событием в жизни воспитанниц СЕЖУ стало посещение Смоленска 28 июня 1888 г. великим князем Владимиром Александровичем и его супругой великою княжною Марией Павловной. Ученицы встречали их цветами и песнями. Одной из воспитанниц в дар гостям было преподнесено шитое полотенце с надписью «да подаст тебе Господь по сердцу Твоему и весь совет Твой исполнит»¹⁴.

В 1890 г. СЕЖУ посетила жена обер-прокурора – Екатерина Александровна Победоносцева (урожденная Энгельгардт, дочь смоленского и могилевского помещика Александра Андреевича Энгельгардта). Известно, что Е.А. Победоносцева оказывала покровительство учебным заведениям, преимущественно религиозного характера. Супруги Победоносцевы из личных средств в пользу училища ежегодно высылали по 200–450 р. Благодарные ученицы направили в их адрес письмо, где выражали особую признательность Екатерине Александровне: «Прошел уже год со времени посещения Ее Высокопревосходительством нашего училища, но ее свет-

¹² Краткий очерк истории Смоленского училища девиц духовного звания // СЕВ. 1874. № 19. С. 708–709.

¹³ СЕВ. 1874. № 20. С. 738.

¹⁴ Там же. 1889. №2. С. 64.

лый образ и теперь живет в нашей душе: мы никогда не забудем ее ласкового обращения с нами, материнских слов и подарков...»¹⁵.

Система покровительства определялась также в отношении обеспечения судьбы выпускниц. Училищное руководство продолжало заботиться о воспитанницах, как о собственных детях. Эту традицию заложил архипастырь Тимофей. Он лично рекомендовал «оних воспитанниц для жительства в дома благонравных семейных священников, где пребывание их может быть бесполезным для их детей, а равно дозволять им жительство и в домах хороших помещиков, но с крайней разборчивостью и опасением»¹⁶. Распространение получили рекомендации воспитанниц в жены благопристойным священникам. Кроме этого, когда казеннокоштные воспитанницы выходили замуж, то им причиталось денежное пособие, размеры которого зависели от успехов и поведения бывших воспитанниц.

Таким образом, училище с момента зарождения мыслилось не просто как школа, а как богоугодное заведение-приют, берущее на себя попечительские функции большой семьи или общины. Первоначальное размещение в монастырском приворотном корпусе и руководство игуменьи Августы лишь усиливали эту ассоциацию с монастырской семьей, где игуменья – духовная мать, а воспитанницы – послушницы. Покровительство первых лиц символизировало иерархию форм заботы по аналогии с патриархальной семьей.

Финансовое обеспечение училища. Финансирование училища также носило характер семейно-общинной поддержки. Помимо казенных ассигнований и сборов Синода, значительную роль играли частные и общественные пожертвования. При открытии училища архипастырь приложил огромные старания по сбору необходимых средств для его успешного функционирования, обращаясь в монастыри, церкви, приходы Смоленской губернии с просьбой «оказать посильную помощь»¹⁷. Для успешного сбора средств архиепископ выделил 115 «сотрудников», которые занимались исключительно поиском денежных сумм. При всяком удобном случае «сотрудники» должны были склонять духовенство и другие сословия к пожертвованиям. При церквях и часовнях был учрежден кружечный сбор в пользу женского училища. Всего же на нужды женского учебного заведения Тимофею удалось собрать огромную сумму для того времени – около 47 тысяч рублей¹⁸. Сохранилось письмо архипастыря к Санкт-Петербургскому генерал-губернатору П.Н. Игнатьеву с просьбой о финансовой поддержке¹⁹.

До 1861 г. училище существовало на средства местной епархии, что вызывало определенные финансовые трудности. После ходатайства руко-

¹⁵ Каверзнев С. Акт в СЕЖУ // СЕВ. 1893. № 13. С. 698.

¹⁶ Краткий очерк истории Смоленского училища девиц духовного звания // СЕВ. 1874. № 17. С. 630.

¹⁷ СЕВ. 1874. № 17. С. 631.

¹⁸ Краткий очерк истории Смоленского училища девиц духовного звания // СЕВ. 1874. № 18. С. 657.

¹⁹ Сперанский И. СЕЖУ 22 января 1884 // СЕВ. 1884. № 3. С. 110.

водства в 1861 г. Св. Синоду ассигнования на содержание училища были значительно увеличены, составив 2–5 тысяч рублей ежегодно. Финансовое состояние женского училища заметно улучшилось.

Значительные суммы определяли смоленские благотворители: помещики (А.И. Барышников)²⁰, графиня Е.Е. Ламберт, вдова М.А. Юревич, супруги Победоносцевы. Крупнейшее пожертвование было сделано в 1887 г. у статским советником Ф.И. Базилевским, который в пользу училища пожертвовал земельный участок в центре города, оцененный в 15–17 тысяч рублей²¹. Такую же сумму он определил в пользу училища на покупку дома на Вознесенской улице (около Вознесенского монастыря). Многочисленные вполне конкретные пожертвования, нередко целевого характера – на пианино, швейные машины, книги, стипендии, обучение конкретной воспитанницы – имитировали вклад состоятельных родственников в образование и обустройство девушек из небогатой ветви «семьи» духовного сословия. Создание в 1896 г. «Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам» под почётным председательством обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева и княгини М.К. Тенишевой окончательно оформило эту систему взаимопомощи как корпоративную семейную обязанность перед своими «неимущими членами».

Структура управления и педагогический коллектив как семейная иерархия. Управленческая вертикаль училища была выстроена по модели патриархальной семьи с четким распределением ролей. Архипастырь выступал в роли «духовного отца» всех воспитанниц. Он еженедельно посещал училище, присутствовал на уроках, интересовался успехами воспитанниц, их состоянием здоровья, нередко определял их дальнейшую судьбу. Во главе долгое время стояла «мать-начальница», чья власть была абсолютной в стенах заведения. Первоначально это была игуменья монастыря, позже – светские начальницы (Мария Белявская, Анна Иванова, Александра Поспелова), но их полномочия оставались родительскими по сути: прием и исключение воспитанниц, распределение финансовых ресурсов, организация хозяйственных вопросов, разрешение на свидания, наказания и поощрения. Начальница обладала правом «домашнего суда» и была конечной инстанцией в решении всех бытовых и дисциплинарных вопросов, подобно главе семейства в дореформенной России. Должность начальницы фактически являлась пожизненной, и крайне редко происходила её замена. К примеру, Мария Васильевна Белявская, дочь священника Сычевского уезда, выпускница Санкт-Петербургского Елисаветинского института, проработала в должности начальницы более 30 лет. В день её 25-летней службы ей был сделан подарок от великой княжны Марии Александровны в виде золотой булавки с бриллиантами²².

²⁰ Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО). Ф. 1. Оп. 5. Д. 57. Л. 1–2об; СЕВ. 1874. № 18. С. 354.

²¹ *Василевский Ф.* О постройке нового здания для СЕЖУ // СЕВ. 1887. № 19. С. 1241.

²² СЕВ. 1901. № 1. С. 32–33.

Педагогический персонал также был встроен в эту квазисемейную структуру. Учителя-мужчины, часто священники или выпускники семинарии, кандидаты богословия (И.И. Орловский, М.М. Соколов), были в роли строгих, но заботливых отцов-наставников, ответственных за интеллектуальное и духовное развитие. Учительницы же, число которых росло к началу XX в. (А.П. Черепнина, Н.В. Бельская, Т.П. Кириченко), выполняли функции старших сестер или тетушек. При приеме учителей особое внимание обращалось на два важных фактора – уровень их образования и степень религиозности. В первые годы предпочтение отдавалось лицам в сане, монахиням и послушницам, позднее среди учителей и учительниц было немало светских лиц. Следует отметить, что первоначально работа при монастырском женском училище была бесплатной, так как оценивалась не столько как профессиональная деятельность, сколько как служение. За свой труд никто не получал вознаграждения.

Ключевую роль в повседневной социализации играли классные дамы (наставницы, воспитательницы, надзирательницы). На их плечи ложился контроль нравственного воспитания епархиалок во внеучебное время. За каждым классом была закреплена одна наставница. В круг их обязанностей входило «ежедневно присутствовать на уроках своего класса, готовить с воспитательницами уроки, заниматься с ними рукоделием»²³. Они жили в одной комнате с воспитанницами, что полностью воспроизводило модель совместного проживания в дворянской семье с гувернанткой²⁴. Их обязанности были всеобъемлющи: от помощи в уроках и контроля чистоты до организации досуга и проведения доверительных бесед. Наставницы помогали ученицам в подготовке уроков, водили их на молитвы, читали им писание, давая пояснения. Наставницы посещали уроки своего класса, в случае отсутствия учителя должны были организовать с воспитанницами повторение прошлого урока. Надзирательницы следили за опрятностью учениц, на них ложилась обязанность будить девочек, помогать им с утренним туалетом, контролировать чистоту одежды и гигиенических принадлежностей. Их рабочий день составлял 16–17 часов и обеспечивал непрерывность семейного присутствия и надзора.

Отношения, складывавшиеся между воспитательницами и ученицами, часто характеризовались как глубоко эмоциональные, замещающие материнскую заботу, особенно для сирот. Эта система создавала плотную сеть квазиродственных связей, которые должны были компенсировать отсутствие кровной семьи и сформировать прочную корпоративную идентичность. Ученицы с особым почтением относились к воспитательницам училища, зачастую заменяли им матерей. С особой теплотой отмечались юбилеи архипастыря, воспитательниц и педагогов²⁵.

²³ Прибавление к Смоленским Епархиальным ведомостям. 1865. Т. 2. С. 83.

²⁴ СЕВ. 1874. № 12. С. 438.

²⁵ Смоленский вестник. 1900. № 229. С. 2.

Учебный процесс: образование как подготовка к семейной миссии. Учебная программа СЕЖУ с момента основания имела главную цель – подготовить «достойных супругов служителей алтаря Господня и попечительных матерей». В первом уставе училища, составленном в 1849 г., о характере научного обучения содержались общие фразы: «До обеда ученицы занимаются вообще чтением на память или слушанием от наставников или наставниц объяснения на лекции; после же обеда давать им женские рукоделия, приучать к церковному пению»²⁶. Из этого можно сделать вывод, что изучению собственно учебных предметов не уделялось большого внимания. Академические знания органично сочетались с сугубо практическими, «домашними» навыками. В уставе отмечалось, что девочки должны изучать только те предметы, которые необходимы для «благочестивой жизни в пределах семейных обязанностей».

Однако по мере развития учебного заведения программа расширялась, в неё включали педагогику, физику, космографию, французский язык. Это отражало растущую потребность в образованных учительницах для церковно-приходских школ, что открывало выпускницам новое социальное поприще. Тем не менее даже эти предметы преподносились в рамках традиционного мировоззрения. Так, изучение естественных наук в новом физическом кабинете (открытом на средства графини Ламберт), по замыслу, дополняло картину божественного мироздания, а не противоречило ей.

Практическая, «семейно-хозяйственная» составляющая учебного плана была чрезвычайно важна. При основании училища в уставе подчеркивалась важность практических навыков для воспитанниц: «водить на огород, в сад, гумно, давать возможность служить больным, словом, показывать им практически все нужды житейские и приучать копытному домашнему хозяйству во всех его видах»²⁷. С 1860-х гг. значительное время отводилось на кройку и шитьё, в том числе с использованием швейных машин. Воспитанницы к выпуску были способны самостоятельно шить не только своё платье, но и рясы для священнослужителей. Их обучали печению просфор, основам ухода за больными, работе на огороде и скотном дворе. Эти занятия проводились не в формате отвлечённых уроков, а как непосредственное участие в жизнеобеспечении своей «училищной семьи».

Воспитательный процесс был призван формировать такие качества, как кротость, послушание, милосердие, любовь к порядку, скромность, беспрекословное повиновение, миролюбие, услужливость. Для развития этих качеств употреблялись методы трудового воспитания. Девочки трудились на училищном огороде, на скотном и птичьём дворе, на кухне.

Таким образом, учебный процесс превращался в симуляцию будущей семейно-хозяйственной деятельности, где знания были неразрывно связаны с их практическим применением в быту.

²⁶ СЕВ. 1874. № 12. С. 427.

²⁷ Там же.

Повседневная жизнь епархиалок, дисциплина и регламентация семейной жизни. Распорядок дня в СЕЖУ, закреплённый в специальных правилах, был жёстко регламентирован, что характерно для закрытых институтов, но его ритм и содержание воспроизводили уклад большой патриархальной семьи. В отличие от женских гимназий, которые не располагали общежитиями, ученицы епархиального училища проживали в особых училищных комнатах, за исключением приходящих воспитанниц. В конце XIX в. в училищное общежитие помещались не более 130 воспитанниц, что составляло чуть меньше половины воспитанниц. Девочки, содержащиеся на полном пансионе, имели полные завтраки, обеды и ужины. Содержание учениц, независимо от их форм обучения было закрытым, поэтому никто в учебное время не мог оставить заведение, равно как никто из посторонних не мог посещать училище.

Распорядок дня воспитанниц был закреплён в особых «Правилах для воспитанниц СЕЖУ»²⁸. Ученицы поднимались в 6 часов, одевались, причёсывались, шли в церковь на молитву. Далее по расписанию следовал завтрак, состоящий в основном из чая и выпечки, после которого некоторые из воспитанниц занимались повторением уроков. Первая часть учебных занятий длилась с 8 до 12 часов. Затем девочек ожидал обед. С 14 до 16 часов проводились занятия по чистописанию, чтению, рукоделию. В 16.00 часов воспитанницы шли на очередное чаепитие. С преобразованием училища в епархиальное заметно изменилось время, отводимое на изучение наук. Занятия стали продолжаться с 8 до 14 часов.

Подъём, совместная молитва, трапезы, учебные занятия, рукоделие, подготовка уроков под надзором наставниц, отход ко сну – всё это выстраивало жизнь по чёткому, предсказуемому образцу. Даже редкие часы «свободного времени» (с 17 до 18 часов) обычно заполнялись чтением или рукоделием в кругу сверстниц, то есть тихими семейными занятиями.

К епархиалкам относились как к дочерям, поэтому значительное внимание уделялось их внутреннему миру и душевному состоянию. С 1870 г. распространённой практикой стало «выслушивание воспитанниц». В 19 часов надзирательницы выстраивали девочек в ряд и выслушивали каждую о тех новых знаниях, которые ей запомнились за учебный день. Педагогическому персоналу вменялось добиваться того, что «дети относились между собой, как сестры, любящие одна другую»²⁹.

Особое значение придавалось общим трапезам, богослужениям, совместным вечерним молитвам как актам, сплачивающим коллектив. Приём пищи был не просто утолением голода, а ритуалом семейного единства. Посещение домового храма, несмотря на возникавшие нарекания из-за позднего начала служб, также укрепляло чувство духовной общности. При подготовке уроков использовались методы взаимного обучения, что также должно было создавать чувство сплоченности и коллективности. Единственным

²⁸ Правила для воспитанниц СЕЖУ. Смоленск, 1908.

²⁹ СЕВ. 1874. № 20. С. 735.

днем отдыха являлось воскресенье. В воскресные дни воспитанницы посещали богослужение, повторяли пройденный материал, читали, в хорошую погоду гуляли или выполняли работы на училищном огороде и в саду.

Система наказаний, при всей строгости режима, избегала крайностей и строилась на психологических и символических мерах, принятых в традиционном воспитании: стояние в углу, временная изоляция, лишение сладкого, «сажание на хлеб и воду», доверительная беседа. Устав прямо запрещал физические наказания и «строгие укорительные обвинения», рекомендуя «наедине сообщить» воспитаннице о её недостатке³⁰. Сотрудницам училища при усмотрении какого-либо недостатка у воспитанниц рекомендовалось наедине сообщить ей об этом, провести доверительную беседу, без насмешек, бранных слов, строгих укорительных обвинений. Оберегать психику ребенка были призваны правила заведения, воспрещающие воспитанницам присутствовать в числе публики в залах судебных заседаний, на балах, маскарадах, проводимых вне училища. Это соответствовало педагогике стыда и внушения, характерной для патриархальной семьи, где авторитет старших поддерживался не столько страхом, сколько уважением и желанием не огорчить «родителей».

Длительное время сохранялся принцип изоляции воспитанниц, дабы не допустить негативного влияния со стороны внешнего мира, в том числе родительской семьи. Педагоги и воспитанницы епархиального училища были призваны стать новым прообразом семьи. Посещение родственников учениц было ограничено праздничными и выходными днями. Необходимо было иметь разрешение от смотрительницы, встречи проходили в специально отведенных комнатах. В случае необходимости экстренного выхода за пределы заведения в будние дни воспитанницы должны были иметь на руках разрешение руководства и обязывались возвратиться в течение часа.

В стенах женского духовного училища для «поощрения воспитанниц в искусствах» один или два раза в год устраивались так называемые «вечера», на которых воспитанницы пели, играли на музыкальных инструментах, танцевали, читали стихи и прозу. Зачастую на таких «вечерах» присутствовали гости – священнослужители и преподаватели училища. Неприличным считалось, если в качестве приглашённых выступали лица не из духовного звания. Например, Смоленское духовенство возмутил факт присутствия на одном из вечеров студентов смоленской мужской гимназии³¹. Это привело к длительным прениям со стороны руководства женского училища и епархиальных властей.

Эволюция и границы семейной модели. К началу XX в. замкнутая квазисемейная система СЕЖУ начала испытывать давление извне и изнутри. С конца XIX в. с ростом числа учениц происходило размывание сословного

³⁰ СЕВ. 1874. № 17. С. 615.

³¹ ГАСО. Ф. 47. О. 1. Д. 180. 1883. Л. 122–123 об.

состава. К 1914 г. насчитывалось 546 учениц, помимо девочек из духовного звания, в училище около 20 % воспитанниц были из других сословий³².

Проникновение светских начал в организацию повседневной жизни воспитанниц знаменовало открытие в 1906 г. VII педагогического класса³³, который позволял выпускницам получить профессию, дававшую им возможность самостоятельно обеспечивать себя после выпуска. В 1914 г. был открыт VIII дополнительный класс, где ученицы получали педагогическую специализацию по словесно-историческому отделению³⁴. Кроме этого, мотив открытия педагогического класса предполагал «дать возможность дочерям духовенства, сообразно новым требованиям времени, поступать в высшие учебные заведения»³⁵, что свидетельствовало о расширении взгляда на роль и предназначение женщины в контексте религиозных организаций.

Со временем закрытый характер содержания воспитанниц все более ослаблялся. В 1906 г. епархиалкам, находившимся на полном пансионе, было разрешено «три дня гуляний вне стен пансиона, но при условии, что отпуски будут разрешаться при наличии классных дам, которые должны были сопровождать гуляющих»³⁶. Зачастую классные дамы уклонялись от этой обязанности, в связи с чем воспитанницы лишались прогулок.

С начала XX в. всё чаще в прессе и внутренних отчетах СЕЖУ стали появляться описания различных форм девиантного поведения воспитанниц, нарушавших принципы организации учебного заведения и выражавших борьбу за автономию. В 1906 г. ученицы VI класса, протестуя против обязательного сопровождения классных дам на прогулках, совершили демарш – вышли гулять всем классом без разрешения. Этот «вызов» был признан правомерным, запрет отменили, а само событие ознаменовало трещину в патерналистском укладе.

Ещё более значимыми стали масштабные образовательные экскурсии (в Крым в 1906 г., в Петербург и Финляндию в 1909 г.³⁷), которые нарушали принцип закрытости от внешнего мира. Организованные как семейные путешествия под руководством учителей и воспитательниц, они тем не менее выводили девушек за пределы привычного микромира, знакомили с светской культурой, музеями, заводами, иными городами и природой. Эти поездки, с одной стороны, укрепляли корпоративный дух, а с другой – расширяли горизонты социализации, готовя воспитанниц к жизни в меняющемся мире, где роль женщины уже не ограничивалась стенами прихода.

³² ГАСО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1; ГАСО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 116; Краткий хронологический очерк истории г. Смоленска, его достопримечательности, учебные заведения, благотворительные и общественные учреждения. Смоленск. 1888., С. 74.

³³ ГАСО. Ф. 51. Оп.1. Д. 7.

³⁴ СЕВ. 1915. № 3. С. 65–66.

³⁵ Там же. 1880. № 15. С. 397.

³⁶ Местная хроника // СЕВ. 1906. № 89. С. 2.

³⁷ *Можайский Д.* Летняя экскурсия воспитанниц СЕЖУ // СЕВ. 1908. № 19. С. 742; Отчет о состоянии СЕЖУ за 1909–1910 уч.г. // СЕВ. 1911. № 6. С.136–137.

Таким образом, Смоленское епархиальное женское училище, возникшее в середине XIX в. и просуществовавшее до революции 1917 г., представляет собой репрезентативный пример сословно-религиозного учебного заведения, чья внутренняя организация была сознательно смоделирована по принципу расширенной патриархальной семьи. Этот подход пронизывал всю его историю, структуру управления, учебно-воспитательный процесс и повседневный быт, служа ключевым инструментом социализации «дочерей духовного звания» в рамках строго заданных имперских и конфессиональных норм. История, учебный процесс и повседневная жизнь Смоленского епархиального женского училища демонстрируют последовательную реализацию модели квазисемейной социализации. Через воссоздание структуры патриархальной семьи, наполнение учебного плана практиками домашнего хозяйства, жёсткую регламентацию быта, построенную на эмоциональных связях с наставницами, училище формировало у воспитанниц из духовного сословия устойчивую идентичность, ценности и поведенческие паттерны. Эволюция внутренних порядков в начале XX в. свидетельствовала о постепенном размывании этой замкнутой модели под влиянием общественных процессов, однако сам принцип училища-семьи оставался её фундаментальной и определяющей чертой на протяжении всей дореволюционной истории.

Об авторе:

МИЦЮК Наталья Александровна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая», РАН, (Россия, 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а), e-mail: nmitsyuk@gmail.com

The everyday life of Women's Diocesan Schools as a form of quasi-family socialization

N.A. Mitsyuk

Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maclay RAS, *Moscow, Russia*

The article is devoted to the analysis of the Smolensk Diocesan Women's College as a social institution that constructed a model of quasi-family socialization. The work was carried out within the framework of the approaches of microhistory and the history of everyday life. The empirical base consists of archival documents and materials from pre-revolutionary periodicals. All aspects of the school's life were subordinated to the logic of reproducing the patriarchal family model, which served as a key tool for shaping corporate and gender identity. It is shown that financing, the patronage system, the roles of the boss («mother»), mentors («elder sisters») and priests («fathers»), the curriculum created a closed environment of quasi-family socialization. Despite the crisis of the model at the beginning

of the 20th century, the principle of «school-family» remained a fundamental feature of the school.

Keywords: *women's daily life, history of women's education, diocesan women's schools, daily life of diocesan women, Smolensk Diocesan Women's College, history of charity, patriarchal family.*

About the author:

MITSYUK Natalia Alexandrovna – Doctor of History, Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maclaya, RAS, (Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt, 32a), email: nmitsyuk@gmail.com

Статья поступила в редакцию 17.10.2025 г.

Подписана в печать 21.04.2026 г.